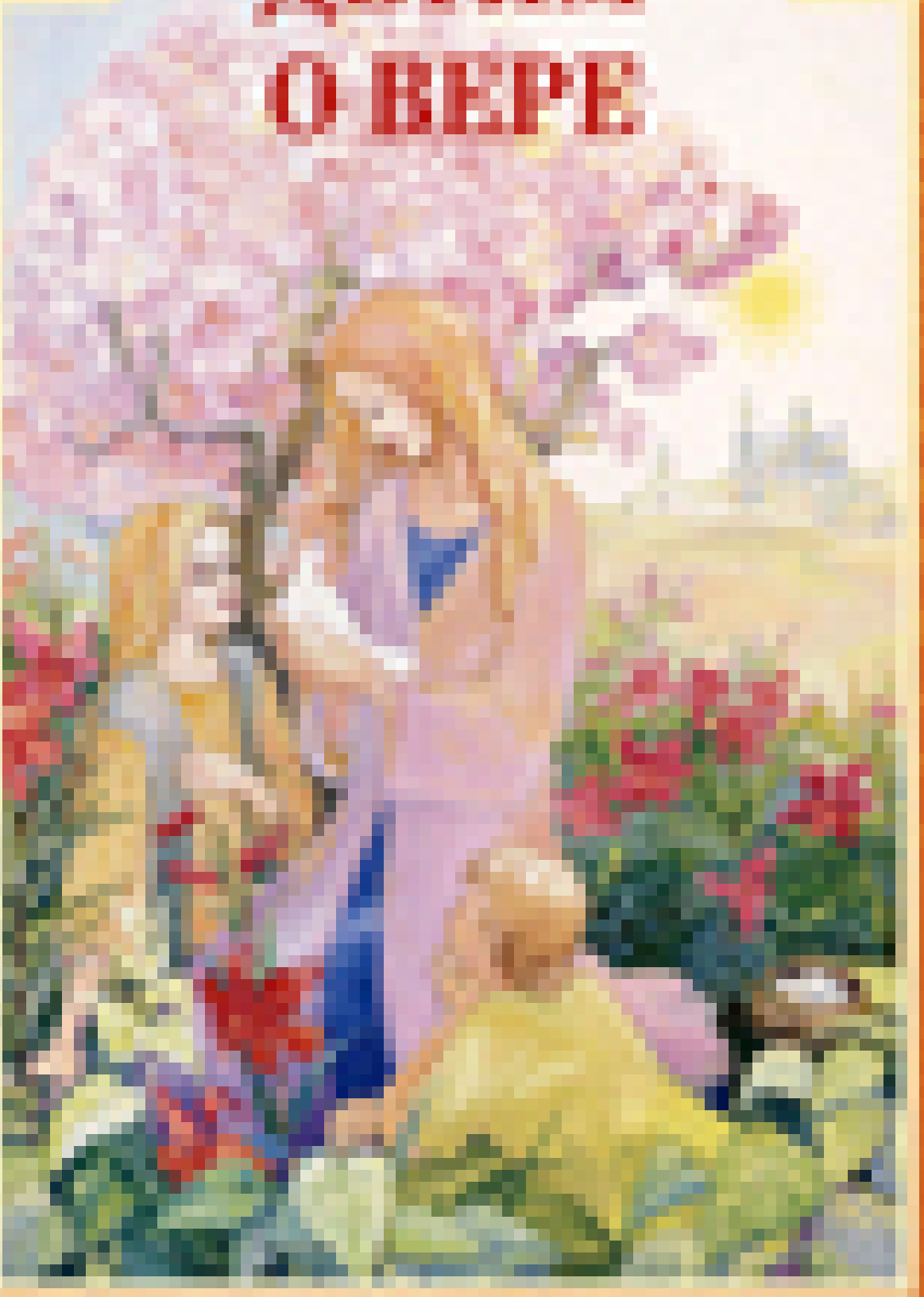
Борис Ананьев

ДЕТЯМ О ВЕРЕ



Детям о вере

Душеполезное чтение для детей. Рассказы педагога Бориса Ганаго.

- Прозрение
- Разве это друг?
- Мой гриб! Мой!
- Заблудилась душа
- Над оврагом
- Улыбка
- Птички
- Крестик
- Душа-христианка
- Детская исповедь
- Спаси, Господи!
- Глас вопиющего
- Миг, только миг
- Если поверим
- Ожидание
- Хоть каждый день
- Щит
- Со святыней
- Дуэль
- Возвращение к жизни
- Вознесли
- В Горний мир
- Подарок
- Контрольная
- Как все

Прозрение

В одной московской школе перестал ходить на занятия мальчик. Неделю не ходит, две… Телефона у Лёвы не было, и одноклассники, по совету учительницы, решили сходить к нему домой.
Дверь открыла Левина мама. Лицо у неё было очень грустное.
Ребята поздоровались и робко спросили;
— Почему Лёва не ходит в школу? Мама печально ответила:
— Он больше не будет учиться с вами. Ему сделали операцию. Неудачно. Лёва ослеп и сам ходить не может…
Ребята помолчали, переглянулись, и тут кто-то из них предложил:
— А мы его по очереди в школу водить будем.
— И домой провожать.
— И уроки поможем делать, — перебивая друг друга, защебетали одноклассники.
У мамы на глаза навернулись слёзы. Она провела друзей в комнату. Немного погодя, ощупывая путь рукой, к ним вышел Лёва с повязкой на глазах.

Ребята замерли. Только теперь они по-настоящему поняли, какое несчастье произошло с их другом. Лёва с трудом сказал:
— Здравствуйте.
И тут со всех сторон посыпалось:
— Я завтра зайду за тобой и провожу в школу.
— А я расскажу, что мы проходили по алгебре.
— А я по истории.
Лёва не знал, кого слушать, и только растерянно кивал головой. По лицу мамы градом катились слёзы.
После ухода ребята составили план — кто когда заходит, кто какие предметы объясняет, кто будет гулять с Лёвой и водить его в школу.
В школе мальчик, который сидел с Лёвой за одной партой, тихонько рассказывал ему во время урока то, что учитель пишет на доске.
А как замирал класс, когда Лёва отвечал! Как все радовались его пятёркам, даже больше, чем своим!
Учился Лёва прекрасно. Лучше учиться стал и весь класс. Для того, чтобы объяснить урок другу, попавшему в беду, нужно самому его знать. И ребята старались. Мало того, зимой они стали водить Лёву на каток. Мальчик очень любил классическую музыку, и одноклассники ходили с ним на симфонические концерты...
Школу Лёва окончил с золотой медалью, затем поступил в институт. И там нашлись друзья, которые стали его глазами.
После института Лёва продолжал учиться и, в конце концов, стал всемирно известным математиком, академиком Понтрягиным.
Не счесть людей, прозревших для добра.

Разве это друг?

В одной стране учёные создали робота, который способен обучаться. Назвали его Сайком. Сайк может любую информацию запомнить и на любой вопрос ответить. Ну прямо отличник, только из металла и пластика.
Он и послушнее тебя. Ты чем взрослее становишься, тем своевольнее и упрямее. А Сайк только по заложенным в него программам действует. Даже доброе дело не сделает, если не прикажут. Стоит слепой на перекрестке и не может улицу перейти — светофора не видит. Ты быстро сообразишь, что нужно делать, правда? А у Сайка не так. Если это программой не предусмотрено, будет сам, как светофор, стоять и огоньками помаргивать.
Спросили Сайка:
— Кто твои родители? Он ответил:
— У меня нет родителей. Я компьютерная программа, а не живое существо.
— А что ты можешь?
— Я помню то, чему меня научили. Могу воспринимать различную информацию и обрабатывать её.
Спросили компьютерного мальчика:
— Сайк, какие у тебя задачи?
— Постоянно накапливать знания и делиться ими с людьми.
Знания — это, конечно, хорошо... Да разве только в них дело? Что они без сердечности и доброты?
Сейчас Сайка уже многому научили. Он и читать, и в шахматы играть, и по телефону разговаривать умеет. Даже кажется порой, что это человек. Но...
Хотел бы ты такого друга? Вряд ли. Души в нём нет. Любить не может. А без любви — разве это друг?!
Да и вообще, если не любить, зачем тогда жить?

Мой гриб! Мой!

Дедушка с внуком пошли в лес за грибами. Дед — грибник опытный, знает лесные секреты. Ходит он хорошо, а вот нагибается с трудом — спина может не разогнуться, если резко наклониться.
Внук же юркий. Заметит, куда дедушка устремился, — и тут как тут. Пока дедушка поклон грибку сделает, внук уже кричит из-под куста:
— Мой гриб! Я нашёл!
Промолчит дедушка и опять отправляется на поиски. Только увидит добычу, внук опять:
— Мой гриб!
Так и вернулись домой. Внучек показывает маме полную корзинку. Та радуется, какой у неё грибник замечательный. А дедушка с пустым лукошком вздыхает:
— Да... Годы... Староват стал, староват... Но, может, дело совсем не в годах, да и не в грибах? И что лучше — пустая корзина или пустая душа?

Заблудилась душа

Плачет малыш — потерял маму. Не знает ни адреса, ни фамилии отца своего. Куда идти? Незнакомые люди берут его за руку, ведут. Куда? Зачем? Нынче всякое случается. Потом будут объявления в газетах, по телевидению: потерялся мальчик таких-то лет, одет так-то...
Заблудились и мы. Плачет наша душа, беспомощная в невидимом мире духов. Не знает ни имени Отца своего Небесного, ни вечного Отечества. Не знает, зачем ей дана жизнь...

Над оврагом

Был выпускной бал. Птенцы выпорхнули из гнезда. Тайком выпили. Закружилась голова. И не только от вина — от переизбытка сил, желания полёта. А тут ещё чья-то машина с заведённым мотором. Хозяина не видно. Ну, теперь весь мир — их!

— Садись! Поехали! Ха-ха!
А бал в разгаре. Кто-то впервые шепчет нежные слова, кто-то делится мечтой... Поворот. Ещё поворот.
— Там же мост! Стой! Жми на тормоза!!! Стой же, сто...
Их оплакивал весь город. Засыпал могилы цветами. Через день-другой цветы завяли...
Кому послужили, сынки? Так и не взлетели... Не свили своего гнезда, не вырастили птенцов...
Когда идёшь по мосту, жуть охватывает. Словно слышится чей-то стон. Овраг глубок. Думаешь о других оврагах, невидимых.
Мотор вздорных желаний набирает обороты... Где же тормоза? Впереди — пропасть! Господи, вразуми!

Улыбка

Их двери были напротив. Они частенько встречались на лестничной площадке. Один проходил мимо, нахмурив лоб, и даже взглядом не удостаивал соседа. Всем своим видом он говорил: мне не до вас. Другой приветливо улыбался. С его языка уже готовы были сорваться пожелания здоровья, но, видя холодную неприступность, он опускал глаза, слова застревали в горле, а улыбка гасла.
Так проходили годы. Мелькали дни, похожие один на другой. Соседи старились. При встрече доброжелательный уже не ждал приветствия и лишь учтиво уступал дорогу. Но однажды в гости к нему приехала внучка. Она вся светилась, будто солнышко сияло в её глазах и улыбке. Когда малышка встретила угрюмого соседа, она радостно воскликнула:

— Здравствуйте!
Незнакомец остановился. Этого он никак не ожидал. На него смотрели синие, как васильки, глаза. В них было столько нежности и ласки, что этот суровый человек даже смутился. Он не умел говорить с соседями и детьми. Он привык только приказывать. Никто не смел заговаривать с ним без разрешения секретарши, а тут какая-то кнопка… Промычав что-то невнятное, он поспешил к машине, которая ожидала его у подъезда.
Когда важная персона уселась в “Мерседес”, девочка помахала вслед рукой. Угрюмый сосед сделал вид, что не заметил этого. Мало ли какая мелюзга мелькает за стеклами иномарки. Встречались они довольно часто. Лицо девочки каждый раз озарялось радостной улыбкой, и от её неземного света у соседа становилось теплее на душе. Ему это стало нравиться, и однажды он даже кивнул в ответ на звонкое приветствие.
Вдруг встречи с малышкой прекратились. Суровый заметил, что в квартиру напротив приходит врач.
При встрече доброжелательный всё так же учтиво пропускал соседа вперёд, но был почему-то без внучки. И тут угрюмый понял, что именно её улыбки, её машущей ручонки ему теперь и не хватает. На работе его по-деловому приветствовали, вежливо улыбались, но это были совсем другие улыбки.
Так и шли однообразные, скучные дни. Однажды суровый не выдержал. Увидев соседа, он слегка приподнял шляпу, сдержанно поприветствовал его и спросил:
— А где же ваша внучка? Что-то её давно не видно.
— Она заболела.
— Вот как?.. — его огорчение было совершенно искренним.
Когда в следующий раз они встретились на площадке, угрюмый, поздоровавшись, открыл “дипломат”. Порывшись в бумагах, он достал плитку шоколада и пробормотал смущенно:
— Передайте вашей девочке. Пусть поправляется.
И торопливо засеменил к выходу. У деликатного увлажнились глаза и комок подступил к горлу. Он даже не смог поблагодарить, лишь пошевелил губами.
После этого, встречаясь, они уже говорили друг другу добрые слова, и суровый спрашивал, как себя чувствует внучка.
А когда девочка выздоровела и они встретились, малышка бросилась к соседу и обняла его. И глаза этого сурового человека увлажнились.

Птички

Прилетели птички, пощебетали. То ли поприветствовали, то ли намекнули, что им чего-нибудь поклевать хочется. А я поленился с постели встать и выйти на балкон.
Птички пощебетали и улетели. Кто-то другой покормит их, проявит заботу, тот, у кого сердце проснулось.
Где они теперь? К кому их Бог послал? В чьё сердце они стучатся?

Крестик

В четыре года Дениска остался без матери. А про отца он вообще ничего не знал. Мать совершила страшное — убила женщину. Все отказались от неё и от Дениса. Чего он навидался в своих скитаниях по детским приютам, вряд ли кто сможет рассказать. А сам мальчик об этом вспоминать не хотел.
В конце концов Дениска оказался во втором классе школы-интерната. Как-то воспитательница, помогая ему одеться, заметила у него на худущей груди крестик на шнурочке.
— Кто тебе его подарил?
— Нашёл.
— А ты знаешь, Кто это?

— Бог.
— Знаешь, за что Его распяли на кресте? Денис ничего не знал, но почему-то ему захотелось носить крестик у сердца.
Мать недавно выпустили из колонии, живёт неизвестно где, а крестик — здесь. Только порой приходится отдавать: захотелось его поносить и Диме, и Вове, и другим… Как откажешь? Ребятам тоже досталось… У Вовы мама из квартиры сделала притон. У Димы, хотя и был свой дом, но жил он там, как брошенный, часто голодал. Вот и передают друг другу крестик по очереди. Согревает…

Душа-христианка

Семья была неверующей. Как-то проходили они мимо храма. Зазвонили колокола. Сынишка лет шести неожиданно встал на колени прямо на улице и стал креститься. Никто его этому не учил. Может, видел где? Вдруг — сам!
Окружающие стали оглядываться на них. Мать возмутилась:
— Встань сейчас же! Не позорь нас! А малыш ей в ответ:
— Что ты, мама?! Это же Церковь!
Но ни мать, ни отец не поняли его. Взяли мальчика за руки и увели.
Христос же говорил: “Пустите детей и не препятствуйте им приходить ко Мне, ибо таковых есть Царство Небесное”. Увы, родители не ведали этих слов и увели младенца от Христа. Неужели навсегда?

Детская исповедь

В детском доме батюшка со светлой душой окрестил сразу целую группу. Воспитательницу, которая для детей стала крёстной, они стали называть мамой. Группа была дружная. Конечно, и у них всякое бывало: могли и поссориться, и подраться. А потом опомнятся и друг другу руки протягивают:
— Прости меня.
— И ты прости.
Однажды появился среди них новенький и принёс с собой какой-то другой, недобрый дух. Пропал у одного мальчика плеер. Кто взял? Без доказательств грешно кого-то обвинять. Пропал и пропал. А тут как раз пришло время детской исповеди, к которой все давно готовились. И вдруг этот новенький на исповеди признался батюшке:
— Я взял!
А потом ребятам:
— Это я, я взял! Простите…
Все замерли. Мальчик, у которого плеер исчез, сказал:
— Пусть он будет твоим.
Минута была удивительная. А одна девочка этому мальчику свой плеер отдала.
Не будем называть их имена. Зачем? Их знает Бог. И того, кто прощения просил, и тех, кто друг другу плеер передаривал.
Зачем им плеер, если они услышали голос Спасителя?

Спаси, Господи!

Однажды зимой ребят, которые ловили рыбу, унесло на льдине в море. Когда стемнело, дома спохватились, что детей нет, и подняли шум. К поискам подключилась авиация. Но попробуй, найди в темноте. Летчик может прямо над ребятами пролететь и не заметить их. Вот если бы у них фонарик был или радиопередатчик. Сигналили бы: “SOS! Спасите наши души…”
Был и такой случай: заблудилась девушка-геолог. Кругом тайга. Куда идти — не знает.

Девушка была верующей и стала молиться святому Николаю Чудотворцу, зная, что он всем помогает. От всего сердца молилась. Вдруг видит — старичок идёт. Подходит к ней и спрашивает:
— Куда ты, милая?
Она рассказала, что с ней случилось, и попросила показать дорогу к какому-нибудь селению. Старичок объяснил, что вокруг селений нет.
— А ты, — говорит, — поднимись на эту горку, увидишь домик. Там люди есть.
Девушка посмотрела на горку, обернулась, чтобы поблагодарить старца, а того уже нет, словно и не было.
За горкой она на самом деле нашла избушку, в которой её ласково встретили, накормили и обогрели. Ей сказали, что старец был прав, — вокруг на триста километров нет никакого жилья. Что было бы с девушкой, если бы она не помолилась?
А чем закончилась история с мальчиками? К сожалению, они не умели молиться, родители их не научили. Но у одного из них была верующая бабушка. Она всю ночь просила за них Божию Матерь, нашу Помощницу и Заступницу. Молилась она и Господу нашему Иисусу Христу, умоляла Его спасти ребят…
Наутро мальчишек обнаружили и сняли со льдины. Впрочем, такие истории происходят не только на море.
Вся наша жизнь подобна бушующему морю греха, способному поглотить всякую душу, если она не взывает к Богу: “Спаси, Господи!”

Глас вопиющего

Ей никто не верил. Она заходила в дома, стучала в окна, взывала к каждому встречному:
— Спасайтесь! На реакторе беда! Вокруг .— смерть! Бегите, закройте форточки, двери, уведите детей с улицы, уходите, уезжайте!
Был воскресный день. Ярко светило солнце. Детишки играли на улице. Какая беда? Что вы?! Нам бы сказали, объявили по радио… Есть же, в конце концов, начальство. Не поднимайте панику, девушка! Вы не перегрелись на солнце?
А она всё взывала к людям… Знала, что находиться на улице опасно, что можно схватить смертельную дозу этой погибели, но всё ходила… Девушка видела, что никто не слушает её, не верит ей, но она говорила каждому встречному:
— Спасайтесь!
Не так ли вестников Православия встречали и встречают неверием? Их бросали в клетки с дикими зверями, сжигали, загоняли живыми под лёд, гноили в тюрьмах, а они стучались в каждый дом и взывали:
— Спасайтесь! Враг рода человеческого не дремлет и ловит каждую душу. Припадите к Богу! Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное.
Глас вопиющего в пустыне…

Миг, только миг

Внук, которого я когда-то учил ходить, незаметно вырос. Вытянулся, стал выше меня, но не хочет учиться ходить перед Богом. Скажешь ему что-нибудь, а он гордо отвечает:
— Ладно, разберёмся.
Он с собой на “вы”.
Вечерами внук часто гулял с товарищами. Мы с бабушкой никогда не отпускали его без благословения, которое он снисходительно принимал. Вообще-то он неразговорчив, но однажды вернулся взволнованный и рассказал такую историю.
Дом был уже недалеко. Улица пустынна: ни людей, ни машин. Осталось только перейти трамвайные пути — и вот он, родной двор. И вдруг — ба-бах! Перед самым его носом упала

бутылка, брошенная каким-то пьяным с четвёртого этажа, и разбилась вдребезги! Ещё немного — и она бы угодила ему в голову.
Миг… Всего миг отделял его от гибели, всего полшага… Внук огляделся. Наверху продолжали пировать. Вокруг — никого. Кто бы помог ему? Да и можно ли было помочь? Но кто-то дал парню этот спасительный миг.
Теперь, перед тем как выйти из дома, он говорит как бы невзначай:
— Ну, я пошёл!
Это значит, благословите, бабушка и дедушка. И стоит пряменько. Уже на “вы” с благословением.

Если поверим

Договорились ребятишки играть в “жмурки”. Одному завязали глаза полотенцем. Убедились, что подсматривать не может, закружили его и разбежались кто куда. Стали звать, хлопать в ладошки, чтобы он по звуку их ловил. Мальчуган с завязанными глазами пытался их схватить, бросался на каждый шорох. А ребята вдруг притихли — и ни звука, как будто никого нет. Но мальчик уверен, что они рядом. Не видит, но верит, что они здесь.
Вера и есть уверенность в невидимом, как в видимом.
Мама уложила младенца спать, спела ему колыбельную, перекрестила, поцеловала и вышла в соседнюю комнату. Малыш не видит её, но верит, что мама рядом. Стоит её позвать, и она придёт.
Так и Бога, и Заступницу нашу Богородицу мы не видим, но Они рядом. Лишь только позовём — будут с нами, хотя мы Их и не увидим.

Ожидание

Придут к тем, кто верит в Них. И придут, и помогут, и защитят.
Если поверим.
По мотивам рассказа неизвестного автора

Весёлая компания — трое парней и три девушки — ехали в автобусе на золотые пляжи Флориды. Их ожидали ласковое солнце, тёплый песок, голубая вода и море удовольствий. Они любили и были любимы. Окружающим они дарили радостные улыбки. Им хотелось, чтобы все вокруг были счастливы.
Рядом с ними сидел довольно молодой человек. Каждый всплеск радости, каждый взрыв смеха болью отражался на его мрачном лице. Он весь сжимался и ещё больше замыкался в себе. Одна из девушек не выдержала и подсела к нему. Она узнала, что мрачного человека зовут Винго. Оказалось, что он четыре года просидел в нью-йоркской тюрьме и теперь едет домой. Это ещё больше удивило попутчицу. Почему же он такой унылый?
— Вы женаты? — спросила она.
На этот простой вопрос последовал странный ответ:
— Не знаю.
Девушка растерянно переспросила:
— Вы этого не знаете? Винго рассказал:
— Когда я попал в тюрьму, я написал своей жене, что буду долго отсутствовать. Если ей станет трудно меня ждать, если дети начнут спрашивать обо мне, и это причинит ей боль… В общем, если она не выдержит, пусть с чистой совестью забудет меня. Я смогу это понять. “Найди себе другого мужа, — писал я ей. — Даже можешь мне об этом не сообщать”.
— Вы едете домой, не зная, что вас ждёт?
— Да, — с трудом скрывая волнение, ответил Винго.
Взгляд девушки был полон сочувствия. Винго не мог не поделиться главным:

— Неделю назад, когда мне сообщили, что благодаря хорошему поведению меня отпустят досрочно, я написал ей снова. На въезде в мой родной город вы заметите у дороги большой дуб. Я написал, что если я ей нужен, то пусть она повесит на нём жёлтый платочек. Тогда я сойду с автобуса и вернусь домой. Но если она не хочет меня видеть, то пусть ничего не делает. Я проеду мимо.
До города было совсем близко. Молодые люди заняли передние места и стали считать километры. Напряжение в автобусе нарастало. Винго в изнеможении закрыл глаза. Осталось десять, затем пять километров… И вдруг пассажиры вскочили со своих мест, стали кричать и танцевать от радости.
Посмотрев в окно, Винго окаменел: все ветки дуба были сплошь усеяны жёлтыми платочками. Трепеща от ветра, они приветствовали человека, вернувшегося в родной дом.
Как же встретит нас Господь, если мы с раскаянием вернёмся к Нему?
С радостью, ибо Он Сам обещал: “На небесах более радости будет об одном грешнике кающемся, нежели о девяноста девяти праведниках”.

Хоть каждый день

тучку он до сих пор помнит, хотя прошло уже лет тридцать. Было это в деревне Даниловичи, что под Гомелем.
Забыли люди Бога. Реки стали поворачивать, моря создавать. Возомнили себя богами. Как их вразумить?
И наступила засуха. За месяц не выпало ни капли дождя. Травы поникли и пожелтели, всё жито сгорело. Как быть? Погибнет урожай — не миновать голода. И пошли колхозники к председателю с просьбой разрешить им отслужить в поле молебен с батюшкой, иконами и церковными песнопениями. А времена тогда были страшные. Власти старались оставшиеся церкви закрыть, а чудом уцелевших священников разогнать, чтобы и духа православного на земле не осталось.
Председатель был в полном отчаянии. И план выполнять надо, и голода боится, и властей безбожных. И людей жалко — как выживут? Махнул рукой — служите свой молебен!
Три дня всем миром постились, даже скотину не кормили. А на небе — ни облачка. Наконец, с иконами и молитвами пошли люди в поле. Впереди — отец Феодосии в полном облачении. Все взывают к Богу, все души словно в одну слились в покаянии: “Прости нас, Господи, вздумали жить без Тебя. Господи, помилуй…”
И вдруг видят — на горизонте появилась тучка. Сначала маленькая, а потом всё небо над полем заволокло. Как же все они к Богу взывали! И пошёл дождь. Да не просто дождь, а настоящий ливень! Напоил Господь землю.
Председатель радовался: “Молитесь хоть каждый день!” И что удивительно — в соседних районах ни одной капли не упало.
Пять лет было тогда сыну отца Феодосия. Теперь он сам стал батюшкой. Зовут его отец Фёдор. Спросишь его про тучку, озабоченное лицо и просветлеет. Можно ли забыть тот ливень Божественной благодати? Теперь отец Фёдор храм Всех Святых строит, чтобы люди от духовной жажды не погибли.

Щит

Отправлялся на Крымскую войну полковник Андрей Карамзин, сын известного историка, написавшего знаменитую “Историю государства Российского”. Как защитить жизнь дорогого брата? Сестры вшили ему в мундир девяностый псалом, в котором такие слова:
Прибежище моё и защита моя, Бог мой, на Которого я уповаю! Он избавит тебя от сети ловца, от гибельной язвы, перьями Своими осенит тебя, и под крыльями Его будешь безопасен; щит и ограждение — истина Его.

Такова была вера в православных семьях: святые слова защитят лучше любого щита.
Андрей Карамзин во всех сражениях оставался невредим. Но однажды перед боем он поленился переодеться в тот мундир, где были спасительные строки, и в самом начале битвы был убит наповал.
Случайно ли это?

Со святыней

Враг целился прямо в сердце. Он бил наверняка, без промаха. Но пуля не коснулась груди офицера, она застряла в медной иконе святителя Николая. Офицер Борис Савинов прошёл с этой святыней страшными дорогами войны — от Москвы до Кенигсберга, воевал под Сталинградом, на Южном и Белорусском фронтах. Был несколько раз ранен, лежал в госпиталях, но сердце его на всех огненных дорогах охраняла икона Николая Чудотворца. Охраняли его и молитвы, ибо он с детства был верующим, даже диаконом до войны успел стать. Охраняли Бориса и молитвы его деда и отца, расстрелянных после революции за то, что они были священниками. Но у Бога нет мёртвых. У Него все живы. Разве не молились они за своего внука и сына, когда тот шёл в бой, когда в него целился враг?
Веря в Бога, надеясь на Него, офицер был поразительно смел. Если бы он надел все свои боевые награды, то грудь его засияла бы. Был у него и редкий орден Александра Невского, и ордена Красного Знамени, Красной Звезды, Отечественной войны первой и второй степени, и множество медалей. После войны храбрый офицер стал священником. Отец Борис восстанавливал церковь в деревне Турки под Бобруйском, затем в городе Мсти-славле. Теперь он священник в Могилёве.
А икона, спасшая его, хранится в Троице-Сергиевой Лавре.

Дуэль

Они пытались спастись. Таких людей называют беженцами. Но какие они беженцы? Многие из них не то что бегать — ходить не умели. Их держали на руках, прижав к груди. И всё-таки они спасались бегством.
За каждый метр Крыма шли бои. Детей, беспомощных стариков, раненых, — тех, кто не мог сражаться, — посадили на корабли, чтобы переправить на Таманский полуостров. Там было спасение. Но туда ещё надо было доплыть. А над Крымом бушевала смерть. Накануне корабль с тяжелоранеными был потоплен фашистской авиацией. Только бы миновать Керченский пролив...
Вдруг в небе появились немецкие самолёты. Погода была ясная, видимость — отличная. Пролетая над самой палубой, мастера смерти видели детские головки, носилки с больными, быть может, видели лица детей, объятых ужасом. И, глядя на беззащитных, они равнодушно сбрасывали бомбы и нажимали на гашетки пулемётов.
С грохотом проносились над головами детей фашисты, сбрасывая свой смертоносный груз, а затем вновь набирали высоту, чтобы, развернувшись, как следует прицелиться и на этот раз не промахнуться.
Беженцы не могли видеть глаз своих убийц, закрытых шлемами. Что было в этих взглядах? Азарт игроков, оттачивающих своё мастерство? Ненависть? Желание уничтожить именно детей, чтобы у этого народа не было будущего? Или они автоматически выполняли бесчеловечный приказ? Это так просто — нажать, как в компьютерной игре, кнопку. Взорвётся бомба, и кого-то уже не будет в живых. Вновь и вновь набирали они высоту и разворачивали самолёты...
И тут на дуэль с летающей смертью вышла маленькая девочка. Она встала на носу корабля и... начала молиться. Фашисты засыпали её свинцом. Она отвечала им молитвой. Вой и грохот разрывающихся бомб, стрекот пулемётов заглушали слова, но девочка продолжала молить

Господа о помощи.
Корабли выпустили дымовую завесу. Как ненадёжна эта защита, которая может рассеяться в любой момент… Но Бог, услышав слова детской молитвы, повелел ветерку так обдувать корабли, чтобы дым закрыл их, и фашисты понапрасну разбросали свой смертоносный груз. Фашистские самолёты убрались восвояси, не повредив ни один из кораблей, не задев молящуюся девочку. Они улетели. Но что эти лётчики скажут Создателю, когда предстанут перед Ним?
Беженцы целыми и невредимыми сошли на берег. И каждый со слезами благодарил малышку, что-то дарил ей, ибо все понимали, что произошло чудо: детская молитва спасла от верной гибели тысячи людей.
Мы не знаем имени этой девочки. Она была так мала… Но какая огромная, спасительная вера жила в её сердце!

Возвращение к жизни

По мотивам рассказа А. Добровольского “Серёжа”
Обычно кровати братьев стояли рядом. Но когда Серёжа заболел воспалением легких, Сашу переселили в другую комнату и запретили тревожить малыша. Только просили молиться за братишку, которому становилось всё хуже и хуже.
Как-то вечером Саша заглянул в комнату больного. Серёжа лежал с открытыми, ничего не видящими глазами и едва дышал. Испугавшись, мальчик кинулся к кабинету, из которого доносились голоса родителей. Дверь была приоткрыта, и Саша услышал, как мама, плача, сказала, что Серёжа умирает. Папа с болью в голосе ответил:
— Что ж теперь плакать? Его уже не спасти…
В ужасе Саша бросился в комнату сестрёнки. Там никого не было, и он с рыданиями упал на колени перед иконой Божией Матери, висевшей на стене. Сквозь всхлипывания прорывались слова:
— Господи, Господи, сделай так, чтобы Серёжа не умер!
Лицо Саши было залито слезами. Вокруг всё расплывалось, как в тумане. Мальчик видел перед собой лишь лик Божией Матери. Чувство времени исчезло.
— Господи, Ты всё можешь, спаси Серёжу!
Уже совсем стемнело. Обессиленный, Саша с трудом встал и зажёг настольную лампу. Перед ней лежало Евангелие. Мальчик перевернул несколько страниц, и вдруг взгляд его упал на строку: “Иди, и как ты веровал, да будет тебе…”
Словно услышав приказ, он пошёл к Серёже. У постели любимого брата молча сидела мама. Она подала знак: “Не шуми, Серёжа уснул”.
Слова не были произнесены, но этот знак был, как луч надежды. Уснул — значит, жив, значит, будет жить!
Через три дня Серёжа уже мог сидеть в постели, и детям разрешили бывать у него. Они принесли любимые игрушки брата, крепость и домики, которые он до болезни вырезал и склеивал, — всё, чем можно было порадовать малыша. Сестрёнка с большой куклой встала около Серёжи, а Саша, ликуя, сфотографировал их.
Это были мгновения настоящего счастья.

Вознесли

Незадолго до того, как это произошло, Саша сказал маме:
— Я видел во сне двух святых Ангелов. Они взяли меня за руки и понесли на небо.
Через два дня его убили. Убили ребята чуть постарше, позарились на его новую куртку. Мама долго копила на неё деньги, подарила сыну и вот…
Как могло такое случиться?

Мама рассказывала, что ещё совсем маленьким Саша любил бывать в церкви. Старался не пропустить ни одной воскресной службы. Потом стал посещать воскресную школу…
Может быть, мальчик уже был готов к встрече со Спасителем.
Это знает только Бог.
Царство тебе Небесное, Сашенька!

В Горний мир

Одному мальчику захотелось покататься с горки на санках. И санки есть, и гора недалеко, да родители не отпускают — боятся, что заразится от сверстников чем-нибудь опасным для души. Насмотрится дурных примеров или слово скверное услышит, а оно, как семя, полежит-полежит, да и вырастет. И начнет хороший мальчик говорить грубости или поступать не по заповедям любви. Детская душа — как поле вспаханное. И доброе семя, если в него попадёт, прорастает, и сорняк любой. Вырвать же осот, когда он колючим станет, непросто. Вот и оберегали своего ребёнка родители, чтобы с высот детской чистоты не скатился он в пропасть греховную.
Но мальчик есть мальчик. Покататься так хочется! А тут пришло время Великого поста. Народ в те времена строго пост соблюдал. Даже на ледяную гору детвору не пускали. Палкой её загораживали, чтобы не катались. И решил Ганя, что теперь можно, так как там — никого. Взял санки — и на гору.
Но может ли получиться что-либо доброе без благословения родителей и их разрешения? Да и Господь не позволяет в Великий пост забавами заниматься. Раньше, когда люди Бога не забывали, даже театры в эти дни закрывали. Народ усердно молился, больных навещал, нищим помогал, Священные книги читал и в церковь ходил.
Но мальчуган, нарушив вековые обычаи, решил по-своему поступить. Помчался он с ледяной кручи и налетел на ту самую палку, что гору закрывала. Да не просто на палку, а на гвоздь, торчащий из неё. И штаны порвал, и новые валенки пропорол, и ногу поранил. Кровь бежит, больно… Но больше всего мальчик боялся маму огорчить. Как только он что натворит, мама становится на колени перед иконой и со слезами молится:
— Господи, я вымолила у Тебя сына, а он шалит, не слушает. Что мне с ним делать? И сам погибнуть может, и меня погубить… Господи! Не оставь, вразуми его!
Гане было жалко маму. Не мог он выносить её слёз, подходил и шептал:
— Мама, мамочка, я больше не буду.
Видя, что она продолжает просить Бога, сам, встав рядышком, начинал молиться.
“Теперь мама так переживать будет! — думал Ганя. — Что же делать?” Забрался мальчик на сеновал и стал молиться святому Симеону, Чудотворцу Верхотурскому. Его почитают по всей Сибири. Молился Ганя с сокрушением сердечным, плакал, обещал исправиться. Ещё дал обет сходить пешком на поклонение к праведному Симеону в Верхотурье. А путь этот неблизкий. Молился горячо. Устал и незаметно уснул. Во сне подошёл к нему старец. Лицо строгое, но взгляд приветливый.
— Зачем меня звал? — спрашивает. Ганя, не просыпаясь, отвечает:
— Исцели меня, угодниче Божий.
— А в Верхотурье сходишь?
— Схожу, непременно схожу! Только ты исцели меня! Пожалуйста, исцели!
Прикоснулся к больной ноге святой старец, провёл рукой по ране и исчез. Проснулся Ганя от сильного зуда в ноге. Посмотрел и ахнул: рана зажила. Встал мальчик и стал трепетно и радостно благодарить Чудотворца.
А через несколько лет пошёл Ганя с богомольцами в Верхотурье на поклонение святому. Накануне во сне он увидел дорогу, по которой предстояло идти: деревни, леса, реки. Так оно потом всё и оказалось.
Семь дней богомольцы были на святом месте. Когда уходили, Ганя подал новые медные

пятачки страннику, очень похожему на того старца, который явился ему во сне и исцелил его. Странник тихо сказал Гане:
— Монахом будешь.
Сказал и скрылся в толпе.
Прошли годы. Ганя стал монахом, архимандритом Гавриилом. Бог даровал ему познать высоту Божественного Духа. К нему шли за духовным советом тысячи людей, и всем он помогал спастись от гибельной пропасти греха.
Как хорошо, что родители оберегали его от зла. Потому-то он до последнего дыхания был ласков с людьми. Теперь он в горнем мире молится о нас.

Подарок

В аэропорту перед полётом пассажиров пропускают через особые ворота. Если кто-то захочет пронести в самолёт бомбу или гранату, раздастся предупреждающий звонок. Охрана схватит человека, замыслившего недоброе, и не даст ему взлететь в небо.
Так и в Царство Небесное, где ожидают каждую чистую душу, не пропустят того, кто затаил зло в своём сердце.
Чтобы нас не задержала небесная охрана и не запретила полёт нашей душе, заглянем в неё сами и посмотрим, какими желаниями и мыслями мы живём?
Как-то одну девочку спросили:
— Что ты больше всего любишь делать? Не задумываясь она ответила:
— Дарить!
Всё время, свободное от уроков и домашних дел, она старается дарить людям радость. То какому-нибудь малышу игрушку смастерит или варежки свяжет, то старушке-соседке продукты из магазина принесёт.
Она и сама, как подарок. Смотришь на неё, и мир становится светлее. Таких охрана в Небесное Царство охотно пропустит: других радовала — теперь лети, сама радуйся.
Дари людям радость, милая!

Контрольная

Что теперь, дружок, время такое: хочешь носить крестик — носи. А ведь бывало же, было, когда за крест Христов живыми в клетки к зверям бросали. Десятки тысяч зевак замирали, ожидая кровавого зрелища. Двадцать веков назад каждый выбирал, куда ему идти — в клетки на растерзание или на трибуны цирка.
Но тихий отрок, сам идя на муки,
Перекрестился, слыша грозный рык,
Прижал к груди крестообразно руки,
На небо поднял просветлённый лик.
И царь зверей, подняв завесу пыли,
Раскинулся, рыча, у детских ног.
И, точно гром, трибуны возгласили:
— Велик и славен Христианский Бог!
В двадцатом веке уже по-другому потешались над верующими. Заметят у ребёнка крестик — и давай улюлюкать всем классом. И не просто глумились, а и ссылали вместе с родителями в места дальние, откуда мало кто возвращался. Даже в школах диктанты устраивали, чтобы в душу заглянуть, в кого она верует.
Рассказывала одна мама про сына.
— Андрюша мой в то время учился в семилетней школе, ему было 12 лет. Преподаватель русского языка объявил, что будет диктант, и прочел заголовок: “Суд над Богом”.
Андрюша положил перо и отодвинул тетрадь. Учитель увидел и спрашивает его:

— Ты почему не пишешь?
— Я не могу и не буду писать такой диктант.
__ Но как ты смеешь отказываться! Садись и пиши!
— Не буду.
— Я тебя к директору поведу!
__ Как хотите, исключайте меня, но “Суд
над Богом” я писать не буду.
Учитель провёл диктант и ушёл. Вызывают Андрюшу к директору. Тот с удивлением на него смотрит: небывалое явление, двенадцатилетний мальчик — и так твёрд и непоколебим. Директор, видимо, имел ещё где-то в глубине искру Божию и не решился ни о нём, ни обо мне, как матери, заявить куда следует, только сказал:
— Ну и храбрый же ты! Иди.
Что я могла сказать моему дорогому мальчику?
Я обняла его и поблагодарила.
В свое время это ему припомнилось, и в 1933 году он был сослан в первую ссылку в возрасте семнадцати лет.
Ныне другие времена: хочешь носить крестик — носи... Однако долго ли эти времена продлятся? Не заставят ли вскоре вновь душу выворачивать — в кого веруешь? И вновь будут диктовать своё.
Вспомним ли мы тогда слова Господа: “Верующий в Меня имеет жизнь вечную”?
Да укрепит тебя, душе, Всевышний,
Когда настанет наш с тобою срок.
Одно бы только нам тогда услышать:
— Велик и славен Христианский Бог. (Иеромонах Роман)

Как все

Была девочка Маша как все. Все друг друга кличками обзывают, и она. Все ругаются, и она. Правда, скверные слова говорить ей не хотелось: они застревали у неё в горле. Но раз все, то... Поселился в деревне, где жила Машенька, кузнец. Была у него чёрная громадная борода. Вот деревенские ребята и прозвали его Бородой. Ничего, казалось бы, в этом оскорбительного нет, да только ведь у всякого человека имя есть — в честь святого, чтобы был ему защитником и примером.
С именем человек неразрывно связан. Когда кто из злых людей хотел уничтожить в человеке самое сокровенное, святое, тогда вместо имени и давали либо номер, либо кличку. Иногда и дети по неразумию так поступают...
Идёт кузнец по улице, а ребятишки крикнут: “Борода!”, язык покажут, и утекать. Иногда даже камни ему вслед бросали. Маша тоже бросала, правда камешек поменьше выбирала, но бросала: раз все, значит, и она.
Кузнеца такие проделки детворы обижали. Человек он был новый в деревне, ни с кем близко ещё не успел познакомиться, а тут дети ему в спину камни бросают, дразнятся. Конечно, обидно. Втянет он в себя голову, ссутулится и уйдёт, опечаленный, к себе в кузницу.
Однажды Маша рассеянно стояла в церкви. Смысл Божественной службы пролетал мимо неё, будто кто-то заткнул ей уши. И вдруг Господь вернул ей слух, до её внимания долетели священные слова: “Всякий, ненавидящий ближнего своего, есть человекоубийца”.
Задумалась девочка, испугалась: “Это же обо мне! Что же я делаю? За что Бороде язык показываю, зачем камни в него кидаю? За что не люблю? А если бы со мной так?”
И ещё поразили её слова Господа, сказанные священником во время проповеди: “Говорю же вам, что за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда: ибо от слов своих оправдаешься, и от слов своих осудишься”.
И решила Маша начать жить по-новому. Как встретит кузнеца — улыбнётся, назовёт по имени-

отчеству, поклонится, здоровья пожелает. И кузнец при виде Машеньки улыбаться стал. Вся суровость куда-то пропала, даже Машиным родителям сказал:
— Девочка у вас замечательная!
Заметила деревенская детвора, как Маша с кузнецом приветливо разговаривает, и тоже с ним здороваться стала. Как-то раз всей гурьбой к нему в кузницу нагрянули. Тот их ласково принял, показал, как работает, и даже попробовать дал всем желающим. На прощанье каждого пряником угостил. Так они и подружились.
А Машенька с тех пор перестала быть как все, скорее все стали как Машенька, как её Бог научил.
Поэт Владимир Солоухин писал:
— Здравствуйте!
Что особого тем мы друг другу сказали?
Просто “здравствуйте”, больше ведь мы ничего не сказали. Отчего же на капельку солнца прибавилось в мире? Отчего же на капельку счастья прибавилось в мире? Отчего же на капельку радостней сделалось в мире?